

ROBERT JACKSON BENNETT

CITY
OF STAIRS

РОБЕРТ ДЖЕКСОН БЕННЕТТ

ГОРОД
ЛЕСТНИЦ

Перевод с английского: Марина Осипова

Москва
Издательство АСТ

*Это художественное произведение.
Имена, персонажи и события вымышлены,
все совпадения с реальными людьми,
событиями и местами случайны*

*Посвящается Эшли, которая помогает мне
верить в лучшее будущее*

И сказала им Олвос: «Зачем вы сделали это, дети мои? Почему небо скрылось за клубами дыма? Зачем вы отправились на войну в далекие страны и пролили кровь в чужих землях?»

И они ответили Ей: «Ты сказала, что мы народ Твой, и на нас Твое благословение, и возрадовались мы в сердце своем, и умножилось наше счастье. Однако увидели мы неких людей не из Твоего народа, жестоковыйных и невежественных, и не захотели они пойти под фуку Твою. Не пожелали они открыть слух свой для Твоих песен и положить слова Твои себе на язык. И тогда приступили мы к ним, и сбросили их со скал, и обрушили жилища их, и пролили их кровь, и развеяли их по ветру, и праведны были наши деяния. Ибо мы — избранный народ Твой, и на нас Твое благословение. Мы Твои, и через это облечены праведностью. Разве не таково слово Твое, данное нам в прошлом?»

И Олвос ничего не ответила.

Злейший себя

— ...**В** таком случае, полагаю,— заявляет Василий Ярославцев,— речь должна идти о наличии умысла! Не правда ли? Я прекрасно понимаю, что суд может не согласиться со мной — этот суд всегда выносил решение исходя из последствий поступков, а не намерений ответчика,— однако все же спрошу: неужели вы наложите столь существенный штраф на честного, скромного предпринимателя — и за что?! За непреднамеренное причинение вреда? Да еще и столь... мгм... абстрактного, с позволения сказать, характера?

Гулкий кашель в зале прерывает напряженное молчание. Из окна видно, как тени облаков бегут по стенам Мирграда.

Губернатор Турин Мулагеш хочет печально вздохнуть, но не решается. И смотрит на часы. «Гражданин определенно в ударе,— думает она.— Еще шесть минут — и он побьет рекорд предыдущего говоруна...»

— И вот мои свидетели! Мои друзья... — начинает перечислять Ярославцев,— ...соседи, работники, близкие, мои кредиторы наконец! Эти люди прекрасно меня знают — зачем им лгать? И они раз за разом повторяли: это просто стечение обстоятельств. Неприятное — безусловно! Но совершенно случайное!

Мулагеш косится в сторону стола, за которым расположились члены Высокого суда. Прокурор Джиндаш с очень серьезным лицом сосредоточенно обрисовывает собственную руку на бланке Министерства иностранных дел. Слева от нее Главный дипломат Труни пристально разглядывает весьма объемные прелести девушки в первом ряду. Рядом с Труни, в самом конце стола, пустоует кресло, в котором положено сидеть приглашенному профессору доктору Ефрему Паньюю. Впрочем, профессор в последнее время нечасто тут появлялся. И хорошо, и отлично! Потому что присутствие профессора Паньюя в этом зале — да что там говорить, в самой этой проклятой стране! — сплошная головная боль для губернатора Мулагеш. Да.

— Я призываю Высокий суд, — и тут Ярославцев отважно колотит по столу, — к здравомыслию!

«Надо бы приискать кого другого, — мрачно думает Мулагеш, — чтоб вместо меня сюда таскался». Пустые мечты... Как губернатор полиса Мирград, столицы Континента, она обязана председательствовать на всех судебных заседаниях. Даже на таких дурацких.

— Общеизвестно — и вы обязаны принять это во внимание! — что я никогда не имел никакого намерения! Я вообще думать не думал, что знак, висевший перед моей лавкой, имеет... словом, имеет ту природу, которую имеет!

В зале поднимается ропот — все прекрасно понимают, что хочет, но не может сказать Ярославцев. Труни поглаживает бороду и подается вперед: девица в первом ряду скрестила ноги. Джиндаш раскрашивает ногти нарисованной руки. Мулагеш быстро оглядывает толпу, привычно выделяя болезных и увечных: мальчик на костылях — рахит, женщина с коростой на лице —

ветряная оспа, а что с человеком, что приткнулся в углу? Ладно, будем надеяться, что это просто грязь. Хотя... Так, нет, пусть это будет грязь. Ярославцев один из немногих континентцев, кто добился хоть небольшого, но успеха в жизни — он может позволить себе жилье с водопроводом. Так что в его лице мы наблюдаем отмытого от грязи представителя континентальной расы: бледнокожего, с грубыми чертами лица и темными глазами. Мужчины все как один заросшие бородами — смотреть страшно. Мулагеш и остальные сайпурцы являют собой полную противоположность континентальному типу: невысокие, тонкие в кости, смуглые, с длинноватыми носами и узкими подбородками. И привычные к более теплему климату — вот почему Труни кутается в эту нелепую медвежью шубу! Ах, солнечный Сайпур за Южными морями, как до тебя далеко...

В какой-то степени — причем в самой малой! — Мулагеш может понять равнодушие судей: Континент — жуткая отсталая дыра. Даже не так: Континент — упорствующая в своей отсталости дыра. Мрак и ужас. И зачем мы их оккупировали? Нищая, убогая страна... нет, понятно, зачем оккупировали, более того, у Сайпура о-очень уважительные причины для этого... «Кстати, а почему мы все еще зовемся оккупантами? — вдруг задумывается Мулагеш. — Мы здесь уже сколько? Семьдесят пять лет? Интересно, когда нас местные за своих признают...» Однако попробуй подойти к кому-нибудь прямо в этом зале и сказать: вот, на тебе денег, пойдешь купи лекарств и вымойся! Так нет же, континентцы тебе скорее в руку плюнут. От сайпурца им и медного гроша не надо.

И Мулагеш понимает, почему сайпурцев так презирают. Сейчас местные все сплошь бедняки и нищие, но

когда-то континентцы были самой опасной, самой грозной на свете человеческой расой. «И они это прекрасно помнят,— думает Мулагеш, замечая, как кто-то смотрит на нее из зала с нескрываемой ненавистью.— Вот почему они нас так ненавидят...»

И тут Ярославцев собирается с духом.

«Так. Начина-аается»,— обреченно думает Мулагеш.

— У меня не было намерений,— четко и ясно выговаривает он,— придать моей вывеске сходство с талисманом какого-либо Божества, знаком небесной власти или сигилой какого-либо бога!

В зале тут же зашептались и зароптали — пока негромко. На Мулагеш и остальных сайпурцев эта пафосная речь не производит, впрочем, ровно никакого впечатления.

— Они что, не знают? — шипит Джиндаш.— Нам на каждом заседании по нарушениям Светских Установлений такое говорят! Сколько можно!

— Тихо,— шепчет в ответ Мулагеш.

Ярославцев понимает, что только что нарушил закон перед лицом власть предержащих, и это его воодушевляет.

— Да! Я не имел намерений выказать преданность какому-либо Божеству! Я вообще ничего — слышите? Ничего! — не знаю ни о каких Божествах! Не знаю, кем и чем они были...

Мулагеш хочет закатить глаза, но вовремя останавливается. Ну конечно. Так мы вам и поверили, господин Ярославцев. Да каждый — слышите! Каждый! — континентец знает хоть что-нибудь о Божествах. А говорить, что не знает,— все равно что спорить с тем, что дождь — мокрый.

— ...И поэтому я не мог знать и предполагать, что знак, который я вывесил над своим магазином дамских шляпок, имеет сходство — совершенно случайное, заметьте! — с божественной сигилой!

В зале вдруг повисает молчание. Мулагеш поднимает взгляд: ах вот оно что, Ярославцев просто закончил свою речь.

— У вас все, господин Ярославцев? — спрашивает она.

Тот явно колеблется:

— Ммм... э-э-э... да? Хотя... да, да. Пожалуй, все.

— Благодарю. Можете присесть.

Слово берет прокурор Джиндаш. И выставляет на всеобщее обозрение фотографию вывески «Шляпы от Ярославцева». А под буквами четко виден довольно большой знак: прямая линия с причудливой завитушкой на конце — при желании в ней можно увидеть поля шляпы.

Джиндаш разворачивается на каблуках лицом к залу:

— Это ваша вывеска, господин Ярославцев?

Джиндаш коверкает фамилию, причем вряд ли специально: просто все эти континентальные имена — они же непризносимые. Все эти «-цевы», «-чевы» и прочие «-овы» — поди их различи. Нет, если больше десяти лет, как Мулагеш, здесь прожил, все нормально, — но Джиндаш не жил здесь десять лет.

— Д-да, — отвечает Ярославцев.

— Благодарю.

И Джиндаш демонстрирует изображение судьям и всем присутствующим в зале.

— Прошу суд отметить, что господин Ярославцев признал, что эта вывеска — да, именно эта вывеска — принадлежит ему.

ГД Труни многозначительно кивает. Континентцы в зале тревожно перешептываются. Джиндаш открывает свой дипломат с видом фокусника, готовящегося вытащить из шляпы кролика, — и Мулагеш морщится: клоун отвратительный, поганец, и зачем его назначили сюда, в Мирград... Прокурор тем временем вынимает из чемоданчика печатный оттиск с похожим знаком: прямая линия, внизу завитушка. Но на этом рисунке линия и завитушка туго сплетены из виноградных лоз — вон внизу даже листики видны.

При виде знака зрители дружно ахают. Кто-то пытается осенить себя священным знаменем, но вовремя спохватывается — они же все-таки в зале суда. Ярославцев вздрагивает и съеживается.

Труни фыркает:

— Ничего они не знают о Божествах, как же...

— Если бы достопочтенный доктор Ефрем Паньюй присутствовал на этом заседании, — и Джиндаш указывает на пустое кресло рядом с Труни, — он бы без труда опознал бы в этом рисунке священный знак Божества... ах, прошу прощения, покойного Божества...

В зале поднимается сердитый ропот, и Мулагеш мысленно помечает: при любом удобном случае наградить этого высокомерного сукина сына переводом куда-нибудь подальше. И похолоднее. И чтобы крысы кругом бегали.

Джиндаш заканчивает фразу:

— ...известного как Аханас. Данная сигила, по мнению континентцев, способствовала плодородию, плодovitости и придавала жизненных сил. Помещенная же на вывеску, она служила косвенным знаком того, что шляпы из этого магазина способны наделить покупателя подобными качествами. И хотя господин Ярославцев

может опротестовать это, я узнал от его поверенных, что дело его резко пошло вверх, после того как над магазином была помещена эта вывеска! Судите сами: квартальная прибыль выросла на двадцать три процента! Вы только представьте себе...

Джиндаш кладет рисунок на стол и показывает два пальца на одной руке и три на другой:

— Двадцать. Три. Процента. Каково?!

— Ах ты ж батюшки! — качает головой Труни.

Мулагеш в замешательстве закрывает лицо ладонью.

— Но как вы?.. — лепечет Ярославцев.

— Простите, господин Ярославцев, — цедит Джиндаш, — но сейчас моя очередь говорить, не правда ли? Именно. Так вот о чем бишь я. Светские Установления, принятые Сайпурским парламентом в 1650 году, прямо запрещают и объявляют вне закона любое публичное признание существования божественного на Континенте. Любое публичное признание — намеки и косвенные упоминания тоже. Никаких исключений! Произнести имя Божества вслух — точно такое же нарушение закона, как упасть на колени посреди улицы, выкрикивая молитвы! Любое подобное действие считается нарушением Светских Установлений и неотвратимо влечет за собой наказание. Что же до нашего дела, то существенное увеличение прибыли прямо доказывает, что господин Ярославцев повесил этот знак, осознавая, что делает, а следовательно, преднамеренно!

— Это ложь! — выкрикивает Ярославцев.

— Господин Ярославцев был прекрасно осведомлен о божественной природе этого знака. И совершенно неважно, что Божество, соотносимое с этой сигиллой, признано мертвым. Совершенно неважно, что эта сигила, естественно, не обладала никакими особыми

свойствами и не могла наделить никого и ничего никакими качествами. Важно, что умысел в данном случае — налицо. И потому действия господина Ярославцева квалифицируются как нарушение, влекущее за собой наложение штрафа... — тут Джиндаш сверяется со своими записями, — ...в пятнадцать тысяч дрекелей.

Толпа в зале угрожающе ворочается, ропот переходит в низкое злое ворчание.

Ярославцев шипит, брызгая слюной:

— Вы... не имеете права... как же так!

Джиндаш гордо шествует к своему креслу и опускается в него. И оборачивается к Мулагеш с гордой улыбкой. Вот так бы взяла и врезала ему кулаком по физиономии...

Как бы хотелось обойтись без этой трескотни и показухи! Дела о нарушении Светских Установлений очень редко доходят до суда — не чаще, чем раз в пять месяцев. Обычно в таких случаях ответчик предпочитает иметь дело с губернаторскими чиновниками. Но иногда... о, иногда ответчика посещает невероятная уверенность в себе. И в своей правоте. И тогда он идет в суд. И каждый раз итогом оказывается нелепый спектакль.

Мулагеш оглядывает набитый битком зал — даже за скамьями у стены люди стоят. На что любуются? Это же скучное разбирательство по дурацкому муниципальному иску! Как в театр пришли, понимаешь...

Хотя нет — какой театр? Они пришли не на суд посмотреть. И Мулагеш смотрит в сторону пустующего кресла доктора Ефрема Паньюя. Они пришли посмотреть на человека, от которого у нее сплошные проблемы...

Так или иначе, если дело о нарушении Светских Установлений доходит до суда, ответчик почти всегда проигрывает. За двадцать лет, пока она тут губернатор-

ствуует, Мулагеш всего три раза вынесла оправдательный приговор. А все почему? Потому что сайпурские законы делают из этих людей преступников. А они просто живут, как привыкли...

Мулагеш покашливает, прочищая горло.

— Обвинение представило свои доказательства. Господин Ярославцев, вам предоставляется возможность опровергнуть сказанное.

— Но... но это... это нечестно! — сердито заявляет Ярославцев. — Выходит, вам можно рассуждать о наших сигилах, а нам нет? Это наши сигилы, знаки наших богов, между прочим! Наши, а не ваши! Почему мы должны молчать?!

— Штаб-квартира губернатора полиса, — и Джиндаш широким жестом обводит зал, — с точки зрения закона является территорией Сайпура. Она не подпадает под действие Светских Установлений, применяемых только на Континенте.

— Но это... это возмутительно! Нет, это даже не возмутительно... это... это ересь! Самая натуральная ересь! И Ярославцев вскакивает.

В зале суда повисает мертвая тишина. Все изумленно таращатся на Ярославцева.

«Отлично, — думает Мулагеш. — Только публичных выступлений против властей нам и не хватало».

— Вы не имеете права так поступать с нами, — упорно продолжает Ярославцев. — Вы уничтожаете все, связанное с Божественным! Произведения искусства, книги — вы людей арестовываете за простое упоминание имени!..

— Мы здесь собрались не для того, — строго прерывает его Джиндаш, — чтобы обсуждать законы или историю.

